

[П/П: Название главы отсылает к роману Германа Мелвилла]

Под толстым, мрачным небом, затянутым облаками, распростерлось черное море цвета свинца. Рваные эбонитовые камни усеивали рифовое побережье, меланхоличный зов моря заглушал крики морских птиц. На расстоянии виднелись обломки линкора, собранные вместе в одну кучу.

— ...Так вот оно, море, — сказал Шин, отвернувшись от первой в своей жизни сцены.

— Не, не оно! Не такое оно должно быть! — повысила голос Фредерика, топнув ногой в знак протеста.

Я хочу увидеть море.

Когда это желание возникало в голове, перед мысленным взором Фредерики появлялось голубое море, сверкающее под ярким солнцем безоблачного дня, или белые берега с кораллами. Водная гладь мирно отражает солнечные лучи; пушистые пальмы; красивые цветы в окружении щебетания чаек.

Следует заметить, море черное не только из-за темных облаков. На дне морском лежали камни и песок, а значит даже в безоблачную погоду водная гладь будет окрашена в черный цвет. То есть всегда. К тому же температура воды оставалась низкой круглый год, и им не удастся поплавать.

— И что это за тошнотворный запах в воздухе повис?! Каково значение этого... этой вони?!..

— Разве не так должна пахнуть соль? Я, правда, сам не знаю.

Он как-то читал про подобный эффект, но не был уверен. Если бы действительно столкнулся с запахом соленого моря, в любом случае не распознал бы.

— ...Ух. Мы наконец-то у моря, а я понятия не имею, что с этим делать!.. — произнесла Фредерика, вся в слезах.

Она укоризненно наблюдала, как шумные волны разбиваются о скалы. Она чувствовала себя так, словно все ожидания разом рухнули, и теперь некуда выпустить сдерживаемые эмоции.

— И ты доволен этим?! — злобно спросила она Шина. — Говорил, что желаешь показать Владилене море?! Посмотреть на него — вместе с ней?! Право, это море совсем не такое, каким ты себе его представлял!

— Признаю, не таким оно мне виделось... — сказал Шин.

Затем он обернулся на кое-кого, кто стоял немного в стороне.

Они так и не поговорили.

— Но Лена кажется счастливой.

Он заметил, как Лена безмолвно застыла — бледное лицо просияло от сцены поднимающихся и падающих волн. Шин искоса бросил на ее реакцию взгляд, отчего на губах невольно выиграла улыбка.

— Вы двое... Вы такие...

И вдалеке они вдруг услышали «песню» — подобную дуновению тонкой, серебристой флейты, что нежно бороздит по волнам.

□

— Та «песенка» спета крупнейшей особью. Плач пятидесятиметрового класса вроде этой девочки. Не то чтобы это необычно в Странах флота, но вам крайне повезло уловить ее в первый же день.

Они находились в вестибюле военной базы. Изначально это был музей при военно-морском университете. Его реквизировали в начале войны и сделали базой.

В центре стоял жизнерадостный офицер в форме цвета морской синевы с алой подкладкой. На его лице красовалась восхитительная тату жар-птицы, расправившая крылья. Она тянулась от лба, проходила вдоль левого глаза и опускалась до скулы.

Его безмятежный голос звучал звонко в соленом морском бризе. Кожа загорелая, светло-кофейные волосы, казалось, несколько выцвели на солнце. Глаза его выдавали кровь Джейдов — те были нефритового-зеленого цвета, вероятно, доставшимся ему от рождения.

Тем не менее взгляды членов ударной группы, включая Шина, обращены совсем не на него. Их внимание приковал к себе огромный объект, что внушительно — может, чуть менее, судя по сгорбленному виду — свисал с ладьевидного потолка.

А именно — массивный скелет существа, чьи размеры слишком огромные для земель из нынешней эпохи.

— Охота на эту девочку, надо сказать, величайшее достижение Флотилии Сирот. Или мне бы хотелось так сказать, но она умерла естественной смертью, а после ее вынесло на берег. Когда словили, поймали еще уйму рыбы и съели ее с маслом. Хороший тогда выдался денек для них.

Хотя ученым изрядно пришлось побороться, чтобы достать скелет и сохранить его в таком состоянии.

Длинный, словно тысячелетнее дерево, позвоночник напоминал дракона. Он удерживал грудную клетку достаточно больших размеров, чтобы внутри поселились люди. Протяженная шея соединялась с угловатым черепом.

Даже низведенный до скелета, его огромные размеры и величие ошеломляли. Шин вспомнил, как однажды видел скелет похожего существа. Задолго до того, как его сослали в лагерь для интернированных, в каком-то музее. Образец создания, чьи кости он ошибочно воспринял за драконьи...

— До начала войны мы одалживали ее королевскому музею Республики Сан-Магнолии, так что вы могли уже видеть эту малышку. Если действительно видели, не стесняйтесь, поднимайте руки. Давайте!

По-видимому, это не просто похожий скелет, а именно тот самый. Шин, однако, сдержал язык, и никто не стал поднимать руки. Упомянутый музей находился в Либерте-эт-Эгалите, где в основном поселились Селены. Большая часть присутствующих в зале были из числа «восемьдесят шесть», и их семьи не ходили туда.

Офицер Флотилии Сирот выглядел потрясенным.

— Надо же, как странно... Ребятня обычно пребывает в большем возбуждении. Ну, и ладно. Ее зовут Николь. Но можно и Никки. Левиафан не так уж и страшен, когда от него остался только скелет, правда?

Существо носило название левиафан. Воинственные морские животные, что царствовали в темных, глубоких морях — особенно это касалось открытых морей, опоясывающих берега континента — задолго до начала письменной истории. Если точнее, это вид враждебных морских существ.

Пока человечество распространялось по континенту, левиафаны оставались верховными правителями морей, отказываясь освободить водный трон, из-за чего препятствовали морским путешествиям. Их превосходство сохранилось и по сей день, когда пожаловали люди на стальных кораблях. Всякое оружие или платформа, сделанные руками человека, становились целью гнева левиафанов.

Потому человечество не пользовалось водами дальше прибрежных районов. Все пути для торговли и перевозок, рыболовные и военные суда ограничивались небольшим водным пространством возле берегов.

Морской мир принадлежал не человечеству. Оно не могло выйти за пределы континента. И лишь одна страна считала сей факт неприемлемым — и так считает до сих пор.

— Итак, вместе с тем, я буду работать с вами. Капитан Стеллы Марис, флагманского судна Флотилии Сирот, объединенных военно-морских сил Цареубийцы. Звать меня Измаил Ахаб. Можно капитан Измаил, полковник Измаил или дядюшка Измаил. Не капитан Ахаб, это важно. Так мы звали моего почившего старика... командира флота.

Следующим местом дислокации ударной группы стали Страны флота Цареубийцы. Это группа стран, рожденная от флота боевых кораблей, что стремятся покорить моря и истребить левиафанов.

В прошлом вдоль берегов континента поселились племена мореплавателей. Последние одиннадцать племен сформировали одиннадцать Стран флота — их флотилия единственная на всем континенте способна бороздить открытые моря, как и построенное флагманское судно, противостоящее левиафанам.

Шин и ударная группа собралась в этом холле, чтобы выслушать от этого человека краткую информацию по следующей операции. Позади Измаила стояла женщина постарше. Она зашевелила губами. На ней — идеально подобранная форма цвета морской синевы, а на темной коже — красная татуировка в виде чешуи.

— Разговор зашел не туда, Старший брат. Члены ударной группы могут просто уйти, если не перейти к теме.

— Ох, прости, прости. Подумал, нам сперва следует представить старую добрую Никки... Так вот, невозмутимая красавица перед вами — моя младшая сестра и зам по совместительству, лейтенант Эстер. А можно просто Эсти-чан... Упс-с.

Лейтенант Эстер безмолвно пронзила его взглядом, из-за которого Измаил весь сжался.

Молодой офицер со смешанным происхождением — Л'Азиль и Ориента — и татуировкой пиона поставил позади них белую доску и без слов оставил их.

— Ладно, тогда операция — в двух словах. Наш флот в открытом море доставит вас на базу Мираж-Шпиль, потом вы, ребята, проникнете в крепость и уничтожите Морфо. Все.

— ...

Среди «восемьдесят шесть» воцарилась напряженная тишина... или, скорее, молчание, полное раздражения. Они между делом задались вопросом, а точно ли мужчина перед ними занимал должность командира. Здесь вмешалась Лена, дополняя его объяснения:

— Мираж-Шпиль расположен рядом с открытым морем, то есть близ границ территорий левиафанов. Ни у Союза, ни у Объединенного королевства нет судов, способных пересечь эти воды. В результате ударная группа будет полагаться на суперавианосец и флот в вопросе

переправы и защиты в море.

Суперавианосец выступал в роли сердца, тогда как флотилия для открытого моря состояла из конвоя крейсеров, весящих десять тысяч тонн; противоловиафановых судов, каждый из которых весил шесть тысяч тонн; кораблей-разведчиков, спроектированных для слежения за передвижениями левиафанов; и кораблей снабжения.

В довоенное время каждая из одиннадцати Стран флота владела своей флотилией. Все одиннадцать заселяли северные моря. После начала войны с Легионом флотилия этих стран занялась обороной земель — большая часть кораблей потонула, и ныне у каждой страны их осталось совсем немного...

«Потому и “объединенных” военно-морских сил», — подумал Шин, припомнив представление Измаила. Ни одной из одиннадцати флотилий не хватит кораблей, чтобы действовать в одиночку, и потому они собрали их воедино, сформировав большое объединение военно-морских сил: Флотилию Сирот.

Дальше продолжила лейтенант Эстер, перед этим прикрепив карту операции к белой доске с помощью магнитов. В самом низу карты обозначалась береговая линия Стран флота. В центре отмечена красная точка, их цель. А вот большая часть карты представляла собой синий цвет, символизирующий море.

— Флотилия Сирот возьмет на себе заботу по доставке вас к цели и возвращению обратно, также создаст диверсию. Текущая предполагаемая дальность выстрела Морфо составляет четыреста километров. В сравнении, максимальная крейсерская скорость Флотилии Сирот — тридцать узлов.

— Если перевести на наземные единицы измерения, получается... пятьдесят километров в час.

— Ха. Медленно вообще-то.

— Кто это сейчас сказал?! Сейчас побью глупца. Вы хоть представляете, сколько тонн весит суперавианосец? Мы сейчас говорим о пятизначном числе. Не ожидайте от него той же скорости, что и у ваших малюток-долгоножек фердресов, где и десяти тонн-то не наберется.

— Старший брат, я понимаю Ваши чувства, но нам нужно двигаться дальше. Пожалуйста, утихомирьтесь.

— Младший лейтенант Ория, вы перегнули палку, — пожурела Лена Рито.

— Извините.

— Прощу прощения.

Измаил и Рито умолкли. Эстер также подождала некоторое время, как бы вспоминая, о чем шла речь, и продолжила:

— ...Да, тридцать узлов его максимальная скорость. Другими словами, у нас уйдет семь часов, чтобы пересечь область бомбардировки Морфо по прямой линии и достичь базы Мираж-Шпиль. Тем временем две командующие флотилии объединенных военно-морских сил отправятся заранее и отвлекут огонь Морфо на себя, затем попытаются приблизиться к Мираж-Шпилю.

Эстер повесила поверх карты прозрачную пленку и начала на ней рисовать. Появились две линии от берега до базы — вероятно, кратчайшие пути от порта приписки. Затем, взяв другой цвет, прочертила линию от основной базы Флотилии Сирот к северу и завернула на юго-восток, продолжив ее до Мираж-Шпиля.

— До начала диверсии мы будем плыть скрытно. Поплывем к северу вдоль границы области бомбардировки, причалим к архипелагу Летное перо. Как только враг столкнется с диверсионным флотом, мы войдем в радиус обстрела под прикрытием шторма. Иными словами, дожидаемся шторма и сразу начинаем операцию.

— Смеею заметить, Легион не приспособлен к морским сражениям, а потому волноваться о других машинах, помимо Морфо, не стоит... — добавил Измаил. — Или, по крайней мере, Флотилия Сирот за последнее десятилетие не обнаружила признаков наличия хоть какого-то типа машин для ведения морских батальи.

Эстер кивнула.

— Как это ни прискорбно, у нас небольшая страна. Мы считаем, что Легион, вместо попыток создать эффективное оружие против нашего севера, решил направить ресурсы на разработку действенных методов борьбы с Союзом и Объединенным королевством.

— Горькая реальность такова, что нам хватает неприятностей и без этих морских машин.

— ...

На эту издевку члены ударной группы, как прибывшие из другой страны, ответить не могли. «Наверное, потому у Легиона и нет машин для ведения водных сражений...», — посчитал Шин. Он слегка наклонил голову и поднял другой вопрос:

— Но... В море курсируют несколько небольших групп машин. Судя по их передвижениям, предположу, это патруль. Что насчет них?

— М-м? О... Понятно. Так это о тебе ходили слухи.

Измаил всего миг смотрел на Шина с замешательством, затем он понимающе кивнул. По-видимому, он говорил о способности юноши.

— Они не относятся к военно-морским; это материнские корабли для выпуска передовой разведки. В них нуждается Морфо, чтобы прицельно стрелять по приближающимся суднам. Уверен, об этом уже вам известно, но Ворон не может оставаться в воздухе над морем.

Лена обратила к Шину удивленный взгляд, но тот лишь согласно кивнул. Причина была неясна, но над морем не летало ни одного Ворона. Получалось, дальнобойная артиллерия, Морфо, оставалась без наводки. Его точность не столь высока.

Ситуация отличалась от крупномасштабного наступления, где залпы производились по большим, видимым и фиксированным целям, что не могли избежать попаданий, вроде баз или крепостей. Здесь речь шла о движущихся объектах в огромном море. Если от Морфо требовалось без поддержки Ворона попасть по небольшим кораблям, ему на помощь должна прийти разведка.

— Диверсионный флот также займется этими разведывательными кораблями — отвлечет их и потопит, — так что вам переживать насчет них не стоит. Да и волноваться тут не о чем в принципе; суперавианосец непотопляемый, чего бы против него не выставили.

Быть может, Измаил посчитал, что нет смысла объяснять морские маневры детишкам-солдатам без опыта сражений на воде. Возможно, это своего рода проявление гордости, что морские битвы — поле Флотилии Сирот, и потому они должны положиться на них. Он даже бегло прошелся по теме их транспортировки к базе, и просто радостно улыбнулся.

— Флотилия Сирот очень признательна вам, «восемьдесят шесть». И поэтому... клянемся именем Стеллы Марис — мы обязательно вернем ударную группу в целостности и сохранности любой ценой.

□

На время операции реквизированное общежитие университета служило ударной группе бараками. Пол в нем выложили мозаикой в старинном дизайне, типичному для далекого юга.

Сео один бродил по коридорам после отбоя, пока не наткнулся на Рито, который остался в некоем подобии кабинета. В руке он держал тонкую кипу бумаг.

— ...Что здесь делаешь?

— А, младший лейтенант Рикка.

Быть может, Рито подросток — Сео показалось, будто их глаза находятся почти на одном уровне,

чего не было заметно всего несколько месяцев назад.

— Ну, понимаете, мне подумалось, парочку-то должно тут остаться, поэтому пришел сюда и спросил насчет них — и да, мне их дали. Может, сейчас они не особо полезны, но вот после окончания войны вполне могут пригодиться, — на одном дыхании произнес Рито. — Они еще сказали, что ведут набор и из других стран.

— ...Рито, знаю, моя вина, что спросил тебя ни с того ни с сего, но можешь хоть капельку привести мысли в голове в порядок, прежде чем говорить первое, что приходит на ум?

— Ах, да, сэр. Я в последнее время много такого слышал. Э... К университету тут прикреплено мореходное училище. Вот эти листы — это учебные материалы оттуда. Я подумал, возьму-ка их для учебной комнаты на базе, чтобы те, кого здесь нет, смогли их почитать.

И тут лицо Рито распалось.

— Но вы видели?! Левиафаны! Они же потрясающие! Прямо настоящие монстры!

Сео вспомнил, что Рито среди процессоров числился младшим. Когда кто-то из верхушки давал всякие комиксы, фильмы или мультфильмы, тот с фанатизмом просматривал их все. Так получилось, фильмы про монстров стали его самыми обожаемыми.

Сео это показалось трогательным. И по правде говоря, многие из старших процессоров сами развлекались подобным образом, ведь в детстве их лишили таких изысков.

— Значит, хочешь заняться делом, связанным с левиафанами? После того, как война закончится?

— Я просто подумал, клево должно выйти. Звучит весело.

— Тебя начало интересовать всякое такое, своеобразное, а?

Под «своеобразным» понимались желания раскопать окаменелости в Альянсе и изобрести летающий велосипед.

— А, ага. То есть, я... — Он умолк, погрузившись в мысли. — Старший лейтенант Рикка, знаете Людмилу? Она из Сиринов. Высокая такая, с красными волосами?

— ...Ну да.

Высокая, красные волосы...

Давайте, теперь можете идти.

Холодящая душу иллюстрация их, «восемьдесят шесть», конца. Они отличались от Сиринов. Они это понимали. Но всякий раз появлялись мысли, что их смерти, как и Сиринов, не будут вознаграждены.

— И что с ней?

— В операции по захвату горы Дракониий клык я находился с ней в одном отряде. Тогда меня очень пугали Сирины, но там она поговорила со мной.

До Сео тоже дошло, что Рито в какой-то момент просто перестал их бояться.

— Она сказала мне быть счастливым. Жить так, как мне нравится. И я... кажется, сообразил. Сирины, они ведь... просто переживают за нас, хоть и по-своему.

Свет от старой лампочки осветил его золотистые глаза. Агатовые — как у разумных, невинных животных.

— Они беспокоятся о нас. В восемьдесят шестом секторе нам указывали пойти и сдохнуть, но теперь все иначе. Союз хочет научить нас, и эта учеба превратилась в рутину, да, но все потому, что они хотят донести до нас простую мысль — живите, как хотите. Значит, мы можем делать, что хотим, и идти, куда хотим.

Отправиться туда, куда хотите. Увидеть все, о чем мечтаете. Творить, что душе угодно. Как только война закончится. Или, пусть ей не будет конца, а вы покинете армию. Этого...

— Этого мы можем желать. В восемьдесят шестом секторе у нас была лишь гордость. Больше ничего, да и большего-то мы не хотели. Но теперь все по-другому... Я это понял — и потому хочу все то своеобразие.

Все то, чего в восемьдесят шестом секторе ему не было позволено желать. То многое, чего его лишили.

Сео озадаченно внимал этим словам. Он заметил, как Рито вырос — но оказалось, это касается не только роста как такового. В какой-то момент он обрел способность мыслить и говорить на такие темы.

Рито... пытался уйти от восемьдесят шестого сектора.

И вот что ошеломило Сео. Он радовался обретенной Шином мечтой о будущем. Он видел — и был этому искренне рад, — как Райден и Анжу пытались сделать шаг вперед. Но

ограничивалось это не только ими. Еще и Рито. Вероятно, многие из них ныне проходят через этот этап. Сео просто не заметил.

Они покидали поле брани.

Рито посмотрел на него с беззаботной улыбкой. Он даже не догадывался о потрясении Сео.

— Так что теперь я хочу изучить варианты... Операции протащат нас через весь континент, потому что кто знает, может буду приносить всякое интересное на обозрение остальным.

□

<<...Вы хотите попытаться считать центральный процессор пастуха, чтобы раскрыть местоположение тайного штаба?>>

Шин предположил, что Зелен может владеть актуальной для нынешней операции информацией, но она не могла пользоваться любыми средствами связи. Поэтому он указал доставить замаскированный контейнер с ней в сопровождении 1-й бронетанковой дивизии и Джаггернаутов.

Сам контейнер поставили в секретном отделе грузового отсека транспортника. Поскольку любая информация, связанная с принудительным отключением Легиона, должна держаться подальше от посторонних ушей, Шину пришлось дожидаться подходящего времени, чтобы навестись к ней.

<<Итак, вы ставите на возможность, что пастухом окажется некто из имперской фракции или высокопоставленный офицер. Однако, вполне возможно, есть и другие способы узнать о местоположении. Вот как, подход Союза достаточно хладнокровен.>>

— Это возможно?

<<Среди пастухов есть несколько, кто когда-то был частью имперской фракции.>>

Шин испытал смешанные чувства от ответа. Ощущение несоответствия телло в нем еще с тех пор, как Зелен поведала о способе принудительного выключения. Он действительно желал окончания войны. Но метод, о котором рассказала Зелен, и эти поиски тайных штабов... Чувство неправильности происходящего возникло само собой.

<<Их имена и места развертывания... Внимание. Нарушение протокола запрета... Никакого толку. Я не могу озвучить информацию.>>

И потому какая-то его часть испытала облегчение от внезапной смены тона Зелен на холодный и безэмоциональный, когда ее фраза была резко оборвана. Он не хотел жертвовать Фредерикой. Сражаться до самого конца означало полагаться на собственные силы — покуда война не окончена. А не цепляться за чудо.

И к тому же... хотя они и враги друг другу, Шин не желал видеть в пастухах — призраки погибших на войне — просто механические детали.

<<Так или иначе, Легион владеет информацией, что нужна Союзу. Что касается чтения данных с центральных процессоров... В конце концов, так мы, пастухи, и существуем.>>

Их воспоминания — информация, хранящаяся в мозгу — читались и передавались в другие машины. Невозможным это точно не должно быть, как теоретически, так и технологически... Тут Шин почувствовал, что должен кое-что подтвердить.

<<Однако есть и другие варианты, не требующие так заикливаться на поисках пастухов из имперской фракции. Например, указы передаются через спутниковую связь командующей машине на каждой базе. Если нарушить эту связь, ближайший к месту Ворон должен подоспеть и компенсировать...>>

— Зелен. Прежде... я бы хотел кое о чем спросить.

<<М-м? О чем?>>

В самом первом разговоре с Зелен в нем поселились сомнения. Из-за них он стал бояться мысли, что его способность позволяет общаться с пастухами. Или истины, скрытой за тем, что может быть его грехом.

— Ты слышишь мой голос. И, будучи пастухом, понимаешь меня. С остальными пастухами также?

Создалось впечатление, будто Зелен вопросительно наклонила голову — пусть и физически не могла этого сделать.

<<Да. Хотя, надо сказать, эффект слабый. Сейчас же ты находишься прямо передо мной, а поблизости нет ни одной машины Легиона... То есть это не значит, что твое присутствие раскрывает ваши планы по нападениям или местам развертывания.>>

— Я не это имел в виду...

Он не хотел спрашивать. Как не хотел услышать ответ. Но задать вопрос вынужден.

— Если они слышат меня и понимают, и между нами образуется взаимопонимание — как в нашем с тобой случае, — возможно ли, что я могу говорить с остальными пастухами?

Сражаться, убивать и хоронить. Он всегда считал, что иного пути нет. Но что, если не нужно бессмысленно губить друг друга? Что, если можно было бы во время мирных переговоров достичь взаимопонимания?

Однажды он уже решил, что его ненавидят, что они никогда не поймут друг друга. Но в самый последний миг, когда брат горел в огне, иллюзорная рука доставила одно единственное слово. Он услышал истинные чувства.

Мог ли он избежать жестокого прощания?

— Мог ли я поговорить... со своим братом?..

Зелен умолкла.

<<...Ясно. У тебя был брат. Член семьи, ассимилированный Легионом.>>

Слабый кивок послужил согласием... Он не мог выбрать нужные слова, чтобы рассказать о случившемся. Не сейчас.

<<И ты победил его. Пастуха, твоего драгоценного брата.>>

— ...Да.

Казалось, она размышляла в тишине. Через миг она заговорила уже мягче.

<<Прежде чем отвечу, позволь задать вопрос... Я человек?>>

Теперь настала очередь Шина замолчать.

— Ну...

Этот вопрос однажды задала ему Лерче. Тогда он не мог дать ответ. Неважно, о ком шла речь — Лерче или Зелен, — он не мог уверенно сказать, что кто-либо из них человек. Способность слышать плач призраков равнодушно это подтверждала. Зелен не была человеком. Она не была живой. Она призрак... Нет, даже не так. Испорченные останки призрака — вот кто она.

Но Шин не мог заставить себя. Он не мог сказать ей прямо в лицо, что она не человек. Просто не мог.

Зелен, по-видимому, заметила внутренний конфликт. И ему показалось, она улыбнулась.

<<Ты милый.>>

— ...

<<Хороший парень. Будь это возможным, я бы с удовольствием с тобой подружилась. Это мои искренние чувства. Но ныне ни о какой дружбе идти речь не может, что касается меня или твоего брата. И ты понимаешь, почему, не так ли? Ведь...>>

...Они Легион.

<<С тобой я могу общаться лишь по одной причине, потому что меня ограничили. Из-за того, что все мои сенсоры запечатали. А без них я не могу даже понять, передо мной ты стоишь или нет. Если я... если же я признаю, что поблизости находится человек... Моей сдержанности не хватило бы для поддержания разговора. Вот что значит стать пастухом. Ты обращаешься в машину для резни. Может сохраниться человеческая личность, но ты все равно монстр, движимый разрушительными импульсами.>>

В Объединенном королевстве — рука Зелен. В восемьдесят шестом секторе — рука брата. Эти руки протягивались в злобе и кровавой жажде. Но в миг перед самым уничтожением брат его тянул руку с нежностью.

<<Для меня это также верно. Ты добрый парень, и я бы хотела с тобой подружиться. И именно поэтому я испытываю нужду убить тебя.>>

Зелен проговорила голосом, полным жаждой крови. Уникальной жаждой Легиона, искусственной. Иррациональная кровожадность автономной машины, несущей смерть, которой не нужны причины или обоснование для убийства людей.

<<И это верно для твоего брата. Как пастух, твой брат может пытаться только убить тебя. Инстинкты машины велят ему губить всякого человека, вставшего перед ним, и он бессилен им противиться. И хотя вы способны сдерживать Муравья, Динозавра ограничить так вы уже не сможете. Потому вот что я скажу... Ты не совершил ошибку.>>

Шин потрясенно посмотрел на нее. Зелен находилась внутри контейнера — не прямо перед глазами, но... на себе он словно почувствовал пару глаз.

<<Ты думаешь, что мог бы спасти его, да? Поэтому спросил об этом меня. Что ж, ладно. Я отвечу на вопрос. Ты не мог. У тебя не было выбора кроме как сразиться с братом. Как не могло случиться так, что твой брат выжил и стал бы жить вместе с тобой. Сей факт оказался неизбежным ровно в тот момент, как он стал пастухом... Ты не потерял его из-за ошибки или халатности.>>

Это не твоя вина.

<<Это было верно тогда, и будет в дальнейшем. Единственный способ разобраться с Легионом... побеждать нас и укладывать в вечный сон.>>

□

На голографическом экране Грета кивнула после того, как получила отчет Лены.

— Хорошая работа... Мне жаль, полковник Миризе. Придется оставить этих негодников на тебя.

— Мне совсем не сложно. Вы все-таки отвечаете за контакт с нашим следующим местом дислокации, Святой теократии Ноирьянурсе.

В этот раз Грета не сопровождала 1-ю бронетанковую, и даже 4-ю бронетанковую дивизии — последним поручено выдвинуться к южному фронту и попытаться восстановить связь с южными странами.

Одновременно в операциях принимали участие две бронетанковые дивизии ударной группы. Обе могли выдвинуться как в одно и то же место, так и в разные регионы, что и вышло в этот раз.

Другими словами, дела обстояли достаточно плохо, что им приходилось выматывать самих себя. Лена нахмурилась.

— Я, в принципе, слышала, что мы постоянно получаем просьбы о развертывании, но совсем не думала, что в других местах может быть настолько все плохо...

Она заметила это, когда ступила на поле боя Стран флота. Оборонительный периметр выглядел так, словно в любой момент мог схлопнуться от ожесточенных атак. Изнуренные солдаты, нехватка людей. Ужасающее зрелище обломков потопленных кораблей, усеивающих опустошенные города и обмельчавшую береговую линию.

Вполне закономерно, что они обратились за помощью к Союзу вскоре после того, как была налажена связь. Это отчаянная нужда в помощи даже от войска масштаба ударной группы.

— Прошло уже десять лет. Немногие страны способны так долго продержаться в условиях постоянных сражений.

— ...

Только большие страны вроде Объединенного королевства или Союза, или страны, защищенные природными крепостями, как в случае Альянса, имели приличное расстояние между передовой и внутренним фронтом. Здесь же дела обстояли иначе.

Но как раз из-за этого Лена задалась вопросом. Пусть даже все было именно так — почему? Страны флота и Святая теократия, а также другие страны с восстановленной связью, все они запросили о военной помощи. Хотя они выстояли эти десять лет и едва, но справились с прошлогодним крупномасштабным наступлением. Словно по проществу этого года случилось нечто, что в разы усугубило военную ситуацию...

Грета сухо кашлянула в попытке смахнуть удушливое молчание.

— Кстати, полковник? Кажется, ты забыла об еще одном отчете.

— А?!

Лена спешно прошлась по памяти, а Грета одарила ее улыбкой.

— Дала ответ капитану Ноузену? Как все прошло?

Даже ее начальник дышала ей прямо в шею?!

— Я н-н-н-не уверена, о чем идет речь!

— Держать парня в тонусе привилегия девушек, но, если слишком надолго затянешь ожидание, он устанет от тебя. К твоему сведению, после случившегося капитан впал в глубокую депрессию.

Грета умолкла, скорчив гримасу на лице, как бы вспоминая о чем-то неприятном. Лена так и застыла перед голографическим экраном, вся красная, будто свекла. Она хотела тут же закопать себя.

— Глядя на его состояние, я даже почти почувствовала вину перед Богомолем-убийцей... К слову о птичках. Виллем присоединился к нам по какой-то причине. Интересно только, какой.

†

— Вы упоминали, информация в Объединенном королевстве просочилась через сенсорную синхронизацию ...

Исследовательский отдел не играл никакой роли в следующей операции, а потому остался на

основной базе ударной группы. Сидя в своем кабинете, Аннет заговорила с прибывшим гостем, сверля того подозрительным взглядом.

Она не так уж была с ним знакома, да и посещение вышло во внерабочее время. Но что более важно...

— Я уже давала отчет по этому вопросу, источник утечки не парарейд, начальник штаба Эренфрид.

— Да, я помню. Однако... Как вам такое, Анриетта Пенроуз?

Начальник штаба Виллем Эренфрид вернул ей взгляд со слабой ухмылкой на лице; глаза его сверкнули подобно лезвиям.

†

Перед ними маячила наступательная операция на морскую базу, расположенную в трехстах километрах от берега. Ни на какую поддержку от союзников надеяться не стоило, к тому же сама миссия представляла собой безрассудный рывок в стан врага. Эти дни вполне могут оказаться последними для «восемьдесят шесть».

Но они не проводили их, погруженные в мрачные думы. Совсем наоборот — они вышли вместе в город и потом поигрались у моря. Жизнь в восемьдесят шестом секторе всегда балансировала на краю смерти. Поле брани теперь их родина. Живя от одной битвы к другой, они стремились к простоте в жизни.

Кроме того, большинство из них видят море впервые. И даже для некоторых счастливиц, кому повезло родиться у моря, это было первое посещение северных берегов. Да, для них война стала ежедневной рутинной. И пусть сердца их сделались стальными из-за неминуемого, они не лишили себя чувства удовольствия.

Они вглядывались в воду, внимательно следя за передвижением рыбы. А когда та всплывала на поверхность, уносились оттуда со всех ног, потому что ее размеры оказывались многим больше ожидаемого. Пугали стайки морских птиц, вылавливали маленьких рыбок и крабов из водоемов. Они не знали, как люди обычно веселятся на пляже, но им эти знания и не требовались, чтобы получать неподдельное удовольствие.

Повернувшись спиной к жизнерадостному галдежу, Шин безмолвно стоял на одном из камней и взирал на бескрайние просторы моря перед ним.

Сколько бы я не смотрел на него...

Рядом стоял Райден; того также заворожило зрелище, и он не скрывал удивления.

— ...Это изумительно. Просто вода — только ей конца не видно.

К счастью, сегодняшний день принес безоблачную погоду и яркое солнце. Бледно-голубое небо севера и цвет моря не были такими темными, как в прошлый день. Из туманного горизонта вдаль доносилось щебетание морских птиц, которое почему-то звучало как мяуканье кошек.

Между прочим, Лена чувствовала себя виноватой за то, что в прошлый раз оставила кота на базе, потому взяла его с собой в нынешнюю поездку. Тот сейчас слонялся по комнате Лены. Точно также и с Файдом — он выказывал недовольство, что его не взяли в поездку в Альянс, и, игнорируя прямые приказы Шина остаться, поплелся с ними на пляж. Сейчас он помогал Рито и Марселю с рыбалкой.

— У всей этой воды есть вкус. Ни за что бы не поверил, если бы прямо перед собой ее не видел...

— Ты пробовал ее? — спросил Шин с мыслью о том, что Райден же не ребенок.

Ответом, однако, ему послужило неловкое молчание. По-видимому, он действительно утихомирил любопытство, попробовав воду на вкус.

— И какая она?

— Как соль... Или, ну, вроде рыбой отдает. Знаешь их местный товар, соленая икра? Вкус похожий, но слабее, — сказал Райден с гримасой на лице. — Ты правда считаешь, что она неплохая? Мне показалась какой-то такой, честно сказать.

Шина озадачил этот вопрос. На столе в кафетерии выкладывали соленую икру вместе с джемом и маслом. Судя по всему, икра в Странах флота относится к традиционной еде. Многим она казалась странной, и потому отказывались ее употреблять, но Шин доверился рекомендациям персонала и попробовал.

— Ты же не серьезно? Да не так она и плоха.

Хотя он вынужден признать, вкусной ее точно назвать нельзя.

— ...У тебя чувство вкуса весьма подпорчено, знаешь ли...

Фредерика, собиравшая неподалеку ракушки, вмешалась в их разговор.

— Забудем пока про ужасное чувство вкуса Шин'я, но тут скорее дело в предпочтениях. Мне, например, эта икра вполне по нраву.

— Ага, ты знатно тогда объелась. Еще и весь тост измазала в сметане. — Райден кивнул.

— Ага, и этот тост не был единственным, — добавил Шин, также кивнув.

— Ух, как смеете вы говорить с леди в такой манере! — сорвалась на них Фредерика с покрасневшим лицом. — Д-да, я набрала в весе, но это из-за активного взросления!

Только вот они дразнили ее. Это была простая констатация факта.

— Да, мы знаем. И говорили в хорошем смысле. Здоровый аппетит как раз нормален в твоём возрасте, так?

— Тебе нужно есть как можно больше и набирать вес, если хочешь расти. Потому кушай все, что пожелаешь.

Фредерика умолкла; выражение ее лица стало угрюмым, затем она кивнула со странной эмоцией во взгляде.

— Именно, я стану взрослой. Не могу же вечно оставаться ребенком, в самом деле.

В глазах ее читалось нечто среднее между благородством и трагизмом.

— И поэтому... Уа-а-а-а?! — вдруг вскрикнула она, выбрасывая только что подобранную ракушку. — Она дернулась! Дернулась!!!

«...Да, ты еще ребенок», — заключили Шин и Райден.

Фредерика с отвращением смотрела на выброшенную ракушку, когда Райден присел и посмотрел на нее.

— Ох, там что-то внутри? — спросил он.

— Нет...

Тем временем Шин подобрал с песка спиральную раковину и осторожно ее осмотрел. Райден с любопытством подошел к нему и затих. Из ракушки высунулись извивающиеся, твердые лапки.

— ...Похоже на рака-отшельника...

— Выглядит причудливо с такого близкого расстояния...

□

— Поскольку говорим мы о тебе, ты наверняка посчитала расстановку приоритетов на миссии своим долгом, как командира.

Лена находилась в своем временном офисе на базе. Она попросила Измаила предоставить все последние данные по сражениям, которые они могут раскрыть, и теперь внимательно их просматривала. Вик при взгляде на нее вздохнул. В императорских фиолетовых глазах читалось потрясение.

— Никто не станет судить тебя, если отправишься на пляж с целью развеяться. Я не пошел туда только потому, что видел море, и не раз. Оно не особо ново для меня.

— Одно обширное море расположено за северными границами Объединенного королевства: за горной цепью Морозной печали и северными вершинами, — добавила Лерче, как всегда, ходившая следом за Виком. — Зимой оно полностью покрывается льдом. Весьма красивое зрелище.

Шин и остальные пошли играть на пляж, и ее устраивало остаться здесь.

— Не в этом дело... Я уже видела море — вчера. И увижу вновь во время операции. Но я, думаю, должна взглянуть на него в следующий раз, когда война закончится.

Шин сказал, что хочет показать ей море, и она приняла желание. Поэтому... пусть пока не смогла дать ответ на признание, она хотела зацепиться хотя бы за это.

— Мы пообещали сходить к морю по окончании войны. Я хочу держаться за это обещание.

Вик усмехнулся. Лена же перестала улыбаться и повернулась к нему лицом.

— Но что более важно, Вик. Я хочу кое о чем тебя расспросить.

Она попросила Измаила показать развитие военной ситуации Стран флота за прошедший с массированного наступления год. Некоторые случаи можно списать на отсутствие точных данных, ведь прошло чуть менее года, но число потерь несопоставимо с масштабом сражений. Многие числились пропавшими на поле боя. Битвы были яростными, в них преобладал хаос.

И еще все больше появлялись сообщения от очевидцев насчет Таузендфесслеров — как правило, эти машины отвечали за логистическую поддержку. Она спросила у Греты, и та подтвердила, что в Союзе похожих случаев замечено не было.

— Какова ситуация в Объединенном королевстве? Можешь рассказать об изменениях в

тактиках Легиона, о которых она упомянула? В подробностях.

□

Краем глаза Сео улавливал веселье спящих по пляжу друзей, однако сам он погрузился в свои мысли, уставившись на волны.

Море.

Где-то год назад им было сказано, что однажды они таки увидят его. Как ни странно, они в тот момента вели погоню за Морфо. И хотя тогда в них поселилось желание посмотреть на обширную водную гладь, на горизонте маячила возможность проиграть Морфо и погибнуть с неисполненным желанием...

Потому какая-то его часть смирилась с тем, что этого может и не произойти. Место казалось своего рода туманной целью. И вот они здесь, и рядом море. Они достигли его, слишком легко. Едва ли не разочаровывающе.

Конечно, Сео тогда думал не о северном море. Это был просто символ, обозначающий невиданное ранее место. Может поэтому он не испытал удовлетворения, когда впервые увидел его. Ни волнения, ни бурлящих эмоций, которые бы подтолкнули выговориться.

Все, что он ощущал, так это пустоту. словно в сознании возникла небольшая, но зияющая дыра. Похожее чувство он испытывал, когда сбился с пути и просто шел вперед. В итоге... в нем ничего так и не поменялось. Совсем.

Он думал, что не продвинулся ни на шаг, что ничего не изменилось с тех пор, как он покинул восемьдесят шестой сектор. И тем не менее вот он здесь, а перед глазами — новый вид. Он казался ему безрезультатным. Пусть и прибыл сюда, пусть ни капли не изменился, пусть не ведал, к чему стремиться... его все равно затянуло в текущее положение дел и унесло к новым местам.

Как в Объединенное королевство, так и в Альянс. Если подумать, так оно происходило еще с укрытия Союзом и переселения в особняк Эрнеста. Море перед ним выглядело гораздо лучше, чем в прошлый день; солнце сделало его не таким черным. Но глубинная синева все так же меланхолично отзывалась в нем, а холодный ветер и запах ощущались резко, чувствовалась издевка.

Он впервые видел море... но оно ничуть не казалось ему прекрасным. И за долгое время он понял. Идея зародилась в нем еще в восемьдесят шестом секторе.

□

Этому миру люди не нужны.

□

Ему плевать на удобства, чувства или эмоции. Люди умирали, но на небесах все также зажигались звезды. Люди выживали и цеплялись за жизнь, но лишь затем, чтобы все празднество смывал ливень. Мир настолько безразличен к людям, что это едва не доходило до зла.

Ему словно напомнили об этом. Сео не мог больше здесь оставаться, потому повернулся и побрел обратно в город.

□

— Мне всегда представлялись города вне поля боя такими мирными, но... — пробормотала про себя Анжу, вздохнув.

Одна из леди в кафетерии рассказала о готовящемся фестивале в портовом городе при базе. Праздник носил название «Корабельная принцесса». В прошлом у каждого города Стран флота имелся корабль, чье носовое изваяние, как поговаривали, обосновал святой дух — Корабельная принцесса. Раз в год города устраивали фестиваль, где обожествляли этих духов.

Перед мэрией стояла статуя Девы, украшенная бесчисленными цветами, которые и создавали впечатление фестиваля. Разве что... площадь перед этой самой мэрией была в таком плачевном состоянии, что этот район ошибочно можно воспринять за восемьдесят шестой сектор.

Облака пыли, поврежденные здания, развороченная мостовая и иссохшие придорожные деревья. Сооружениям как-то удавалось поддерживать свою функциональность, но люди уже давно расстались со свободным временем, энергией и средствами для восстановления. Детишки сновали вокруг в старой одежде — чистой, но с залатанными дырками. Фестиваль проходил в самом разгаре, но прилавки оставались скудными, продавались лишь дешевые синтезированные сладости.

Но в противовес размерам небольшого города, улицы переполнялись от энергичных граждан, вышедших из сборных домов возле площади, неподалеку от парка. Они предназначались для беженцев, кто постепенно эвакуировался с передовой, которая с каждым годом за последние десять лет смещалась в сторону внутреннего фронта.

Такова цена для Стран флота за борьбу на протяжении десяти лет, несмотря на свои скромные размеры.

— Полагаю, Союз и Объединенное королевство исключения... А вот другие страны уже на

границы.

Истина такова, что пусть они и потеряли силу сражаться, но продолжали бороться за жизнь, как могли. Неминуемый конец придет, когда истощится и эта воля, после чего их сметет под собой враг.

Эта реальность раскрывалась прямо перед ними.

— Но они все равно празднуют фестиваль, — тихо прошептала Митихи, стоявшая рядом с Анжу.

Они украсили статую Девы цветами — скромными цветками, но впечатляющими букетами. Наверное, горожане собрали их столько, сколько уместилось в руки. Они смеялись, радовались, зазывали покупателей, кричали. Но заработать на ежедневное пропитание непросто. Состояние города ясно демонстрировало, как близко война с Легионом подвела их к черте вымирания.

И все же, стиснув зубы, они вынуждали себя улыбаться и смеяться на этническом фестивале. «Восемьдесят шесть» составляли меньшинство в Республике, и среди этого меньшинства Ориента с востока континента встречались еще реже. Митихи, нося в себе черты этой родословной, заговорила:

— Я почти ничего не помню о фестивалях. То есть, некому было рассказать нам о них. Не помню и о родине, семья моя умерла. Видя это празднество, я чувствую себя одинокой. Но сильнее стоит зависть. У них есть нечто столь важное, что ради этого они готовы на все, даже пойти на невозможное. И я... завидую.

Нечто ценное. Что-то — неважно что, — к чему привязываешься. То... что определяло тебя. «Восемьдесят шесть», чья единственная цель состояла в сражениях до самого победного конца... как раз не хватало чего-то ценного.

□

Сео ушел с пляжа и вернулся в город, но он не чувствовал себя комфортно среди шумных, суетливых улиц. В таком небольшом городе суетилось довольно много людей, и большая часть числилась Джейдами, как он. Раса Веридиан, что включала Джейдов, представляла коренное население южного побережья континента. Часть их охотились на левиафанов, переселившись на эти земли и основав семь из одиннадцати Стран флота.

Но несмотря на одну родословную, он нигде не находил ни кровных родственников, ни друзей. О фестивале он также не знал.

Вероятно, некоторые товарищи именно поэтому и пошли на пляж, потому что не чувствовали

себя комфортно на этом фестивале. Они предпочли находиться за чертой города. За миром человечества. В месте, где обитает кто-то еще помимо людей. Прямо как восемьдесят шестой сектор.

Здесь нечего наследовать. Никаких корней. Тут их не волнует, что им не на что опереться. Они жили на поле боя, где положиться могли только на самих себя и товарищей.

Другими словами, фундаментом для них выступали они сами. В отличие от людей в городе, им не было места в этом мире. Сео считал, что после ухода из восемьдесят шестого сектора познал эту истину. Но по какой-либо причине она все равно ранила.

Они узнали про способ, который позволит остановить Легион. Окончание войны теперь не безнадежное стремление, а реалистичная возможность. И, быть может, осознание этого послужило триггером. Но более всего... наверное, самой основной причиной послужили Шин, а потом Райден, Рито и Анжу, что сделали шаг навстречу будущему.

Сео сам сказал однажды, Шин должен попытаться получать от жизни больше удовольствия. Что пора отступить от мыслей, будто брат и множество их товарищей погибли первыми. Потому Сео искренне радовался, когда тот наконец задумался о будущем. Он понимал, нужно отпустить его...

...но в тоже время это приносило ужасающее одиночество.

Ведь что ему теперь делать? Под ним не было опоры, как и места в мире. Шин, может, и нашел спасение с возможностью дождаться будущего, но что тогда делать Сео? Он прекрасно понимал, спасение не приходит просто по зову. В конце концов, как он мог получить что-то, не зная толком, что значит для него «надежда» и «будущее»? Если заполучить не получается, что тогда ему полагается делать?

Он не знал. Он был напуган.

Некоторое время побродив в оцепенении, как если бы пытался сбежать от тени своих же ног, оказалось, он вернулся к базе. Судя по всему, прошел в док суперавианосца.

Док занимал пространство высотой в несколько этажей, а размеры его значительно превосходили ангар для Джаггернаутов. Несмотря на это, высота мостика судна была под стать мостку, что лишний раз подчеркивало размер. Перед ним развернулось великолепие массивной морской базы, созданной для развертывания авиации в открытом море.

На палубе крепились противолевиафановые патрульные самолеты, чья суть заключалась в разведке скоплений медленных, но бесчисленных — как машин Легиона — морских созданий, населяющих водные просторы. И, конечно, не обошлось без боевых истребителей для уничтожения существ.

В целях обнаружения и истребления левиафанов, корабль также оснащался гидроакустической системой для отслеживания крупнейших особей — Мусукура. Эти существа способны выстреливать лучом света, а чтобы уничтожить их, необходимо сначала выманить истребителями.

Суперавианосец и авиация выходили на передовую борьбы с левиафанами.

Перед кораблем лицом к носовому изваянию стоял мужчина; на шаги Сео тот обернулся. Темно-русые волосы и зеленые глаза. Форма цвета морской синевы и тату жар-птицы.

Измаил.

— Хм-м. Парень, ты ведь из ударной группы? Звать тебя, э...

Между ними повисла долгая пауза.

— ...Э.

В итоге Измаил сдался.

— Рикка.

— Ох, за это прости. Мы обычно отличаем друг друга по татуировкам. Тяжело вообще-то различать нас только по лицам, понимаешь?

По татуировкам? Сео подозрительно оглядел его. Поговаривали, клеймить себя татуировками считалось традицией народов Открытого моря, но сами по себе рисунки для Сео выглядели одинаково. Судя по всему, их шаблон менялся в зависимости от расы или происхождения человека. У Измаила была татуировка жар-птицы, когда у Эстер это чешуя. Ориенты носили тату цветка, на Топазах плелись узоры виноградных роз, а Целесты изрисовывались геометрическими фигурами. Джейды, Эмероды и Аventura — волны, молнии и спирали соответственно.

Но так подумать, он еще не заметил ни одного Джейда с татуировкой жар-птицы, как у Измаила.

— Ты разве не должен веселиться с друзьями у воды? Я слышал, Союз и Республика сейчас отрезаны от моря.

— Я ходил туда, просто... наскучило.

— А что насчет фестиваля в городе?

— ...Плевать мне на него.

По какой-то причине Измаил горько улыбнулся.

— Ты Джейд, не так ли? Откуда будешь? Где жили предки до того, как перебрались в Республику?

— А?.. Строго говоря, думаю, они расположились по всему континенту...

— Ах, просчет с моей стороны. Извини. То, о чем ты сейчас поведал, относится вообще ко всем. Чистейшие родословные принадлежат только аристократии Объединенного королевства да Империи. Ну и Республики, полагаю... О, я сейчас не пытаюсь плохо отзываться о красавице полковнике, принце и вашем командующим операциями.

Родители Шина были чистокровными, но их ребенок вышел со смешанной родословной, поэтому под это описание он не подходил. Но это и неважно.

— Я с юга, с места под названием Электра... Наверное, предки ушли оттуда двести лет назад,
— ответил Сео.

— А-а, тогда у нас одни корни. Моя семья из тех же мест. Переселились тысячу или около того лет тому назад. Ну, поправить все равно можно. Добро пожаловать домой, парень.

Говорил он развеселым тоном, но Сео одолело чувство стойкого отрицания. У человека перед ним просто были волосы и глаза того же цвета. Во всем ином он — незнакомец. Так уж получилось, что далекие предки Сео имели какое-то отношение к этой стране. На протяжении вот уже двухсот лет она не являлась его родиной.

Более того, единственный, кого Сео, возможно, мог бы причислить к соотечественникам, не разделял с ним цвет волос и глаз — просто так получилось, что они стали «восемьдесят шесть», что сражались на том же поле боя.

Одинаковые цвета не значили, что он хотел это родство. Особенно когда оно исходило от кого-то, кто мог опереться на родину и наследие — не от командующего флотом, у кого есть... семья.

Не от того, кто владеет всем тем, чего лишен он.

— ...

Сео никак не отвечал, на что Измаил равнодушно пожал плечами. Жест этот напомнил Сео кое-кого.

— Видишь ли, это моя фишка такая. Ничего не могу поделать с собой, начинаю дразнить людей. Знаешь, когда кошка шипит. Мне так и хочется поизмываться. Хотя относится это не только к тебе. Вы, «восемьдесят шесть», определили себе круг друзей, а остальных просто отталкиваете.

Он потом добавил — с той же беззаботной улыбкой, — что среди «восемьдесят шесть» есть те, кто отличаются от этого мышления. Как его капитан, вице-капитан и паршивец, назвавший Стеллу Марис большим и медленным... Другими словами, Шин, Райден и Рито.

Те, кто некогда был как Сео, но изменился еще до того, как тот успел опомниться. Слова проникли в сердце, заставив то заледенеть. Если кто и считался его товарищами, так это «восемьдесят шесть», что разделяли одну гордость и образ жизни. Но если к этому времени даже они...

□

— Знаешь, мы... в последнее время мы отдаляемся друг от друга.

— ...Да, заметил.

Сео в какой-то момент просто ушел. Анжу тоже, хотя в ее случае проснулся интерес к фестивалю. Крена, однако, вовсе не пошла с ними любоваться видом на море. Райден, естественно, это заметил — как и Шин.

Кто-то не пришел на пляж, потому что не хотел смотреть на водную гладь, другие пришли сюда, поскольку не могли вынести оживленность города. Одни пребывали в восторге от первого в жизни вида на море, некоторые предпочли пойти на незнакомый праздник. Они всегда могли смешиваться с разными группками, но в какой-то момент между ними возникло четкое разделение. Что-то поменялось в том, как они смотрели друг на друга.

Сражаться до самого конца на поле боя верной смерти. Их не объединяла общая кровь, как и не связывали цвета. Узами служила только гордость, и она делала их «восемьдесят шесть»... Но в один момент они начали распадаться.

— Только тебе не нужно об этом переживать.

Один такой товарищ заговорил с другим, даже не взглянув на него. И все же Райден, почувствовав на себе взгляд кроваво-красных глаз, не стал оборачиваться и продолжил:

— Не подумай там, парень, ты не оставляешь кого-то позади или бросаешь. Они просто

выбирают себе собственный путь. Так что неважно, какой выбор сделаешь ты — переживать об остальном нет нужды.

— ...Знаю, — сказал Шин.

Судя по голосу, он действительно это понимал. Но покоя явно не испытывал.

— Но если это тяжело... Вы более чем достаточно меня спасали. Так что если так получится...

Невольно Райден горько улыбнулся.

Идиот ты. Как еще язык поворачивается? На каждом шагу спасал нас именно...

— Тебе не придется... Ты сделал достаточно. Как-никак, ты же наш Бог смерти.

□

— Да-да. Я вернулся, старик.

Голос Сео вышел несколько мрачнее, чем он рассчитывал. Раздраженный, он вынужденно сменил тему. Не то чтобы походил на испуганного котенка. Он все также мог поддерживать обычный разговор.

— Что вообще это за фестиваль? — спросил он.

— М-м? О, это Корабельная принцесса. Традиция Стран флота. Восхваление корабельных богов. В этом городе участвует, кажется, торпедный катер?

Он упомянул своего рода лодку из раздела устаревшей категории военных кораблей... А затем озадаченно умолк.

— ...Или не он? — спросил Измаил.

— А?.. Сам не знаешь?

— Ну, я... хочу сказать, это не мой родной город.

Сео посмотрел на Измаила, который отказывался возвращать взгляд.

— Ты не слушал? Нет, полагаю. Когда после начала войны основали Флотилию Сирот, мы эвакуировали целую страну, превратив ее в поле боя, чтобы отбросить Легион. У нас не хватало земель между северными и южными границами территории для формирования оборонительного строя, к тому же Легион вторгся к нам с востока. Поэтому мы эвакуировали восточную страну. Вот она — моя родина. Страна флота Клео.

— ...О.

Он слышал об этом. Лена упомянула эту страну на брифинге до их развертывания. Просто до него пока не дошло. Пока не услышал от того, кто эту родину потерял. Ситуация не так уж и сильно отличалась от определенной страны, что вынуждена была отказаться от здорового куска территорий и граждан ради создания поля боя без потерь, называемое восемьдесят шестым сектором.

Почти как Республика.

Измаил заметил, как Сео, застыв на месте, смотрит на него, на что в ответ с пренебрежением замахал руками.

— ...Не смотри на меня так. С нами не обращались так ужасно, как с вами. Они не наставляли на наши спины стволы, как и не конфисковали имущество. Мы удирали с тем, что умещалось в руках, и нас не подвергли дискриминации, когда поселились в других местах. Нам предоставили временное жилье, правда, эвакуацию пришлось провести в места со своими трудностями... Хе, то есть, даже командующий флотом эвакуировался со Стеллой Марис и целым флотом, — весело произнес он и засмеялся.

Упомянутый командующий флотом... Точно. Погибший командир. Он никого больше не видел с татуировкой, как у Измаила, несмотря на активную подготовку к операции на базе. Есть шанс, что дело было не только в командире флота — все те, чье лицо украшала эта татуировка...

Получается, он также всего лишился.

Он походил на «восемьдесят шесть». На тех, кто потерял семьи и родины, кто лишился опоры в виде культуры и традиции. Поэтому, возможно... Нет, он искренне беспокоился за «восемьдесят шесть», прошедших через ту же передрагу.

— Прости... И, э...

Ему вновь вспомнились слова Рито. Находились люди, которые переживали за судьбу вышедших из восемьдесят шестого сектора. И здесь он встретил того, кто оказался в том же положении... Того, кто полон гордости.

— ...спасибо.

Ему показалось, будто в конце длинного, темного туннеля мелькнуло пятнышко света.

□

Заходящее солнце отражалось от поверхности моря — от глади поднималось золотое свечение подобно наложенным зеркалам. Зрелище было ослепительным, оно завораживало. Капитан противолевиафанного эсминца — женщина с татуировкой пиона — подсказала, что с маяка на окраине города открывается восхитительный, сферический вид на звезды.

Место открыли для всех в качестве обсерватории, и действительно, с этой точки обзора горизонт виделся как арка. Отсюда предоставлялся полный обзор на лучезарное зрелище заходящего солнца, чьи лучи сверкали на водной глади.

Сумеречное море сияло потусторонним золотисто-огненным заревом, как разбитое зеркало. Почему-то эта красота показалась Юто олицетворением отторжения. Рядом с ним находились Шиден и Шана. По-видимому, кто-то также рассказал им про это место.

Они служили в одном отряде, но не были так уж близки, чтобы свободно общаться. И этому способствовала невозмутимость Юто. Потому они безмолвно стояли вдали друг от друга, не обмениваясь даже взглядами. И все наблюдали за невиданным закатом.

— Семьи Открытого моря объединились и сформировали единый морской флот. И речь не о военной организации, а о группе, которой подойдет описание «домохозяйство».

Юто обернулся в направлении присоединившегося голоса. На обсерваторию поднималась Эстер и, по какой бы то ни было причине, Крена. Он предположил, что она не стала бы выходить на пляж или в город, а потому осталась на базе, где ее и нашла Эстер, взяв с собой. Шиден и Шана, скорее всего, оказались в похожих обстоятельствах.

Такое чувство, будто нос совали не только Эстер и та леди, что рассказала Юто про это место. Это касалось всех солдат Флотилии Сирот и даже людей в городе, что с искренностью хотели показать им фестиваль. Все они производили похожее впечатление.

Сначала он думал, что их действия вызваны благодарностью иностранцам, отправленным к ним на помощь, или это своего рода ликующее гостеприимство страны за первых за десять лет гостей, но... Сейчас ему казалось, здесь было нечто большее.

Страны флота существовали несколько веков, а семьи Открытого моря и вовсе бороздили моря вот уже тысячи лет, противостоя левиафанам на попроще контроля за водами. Несмотря на поражения в битвах время от времени, они никогда не сдавались. И было такое ощущение, будто они как бы смело заявляли об этом — провозглашали о своей решимости биться до конца. Что это последнее, что у них осталось.

— Сочувствие, своего рода... К нам, «восемьдесят шесть».

□

Эстер как бы невзначай продолжила:

— Собственно, как лейтенант капитана Измаила, я обращаюсь к нему, как к брату. Даже если никакой кровной связи между нами нет.

— Э...

Крена обернулась к Эстер с явным трепетом. Посреди легкой беседы она вдруг буднично поинтересовалась, почему Эстер называет Измаила старшим братом, ведь тот был младше и не приходился ей родственником.

— ...Прости...те. Я не понимаю...

Крена перешла на учтивую речь, поняв, что говорит с лейтенантом. К счастью, Эстер, по видимому, не обратила внимания, вместо этого вопросительно посмотрев Крену.

— Разве? Я думала, у вас, «восемьдесят шесть», похожие взаимоотношения.

Крена моргнула.

— ...У нас?

— Да. К примеру, вы и командующий операциями, капитан Ноузен. При первой встрече с вами мне подумалось, что вы брат и сестра. Ну, хотя очевидно, кровно вы не связаны.

Можно не упоминать о различиях в чертах лица, но отличались даже цвета волос и глаз, данные им при рождении. Но что-то в парнях и девушках чувствовалось одинаково. Пристальные взгляды, возможно. Достаточно было лишь мельком взглянуть на них, чтобы понять, что никто из них не связан кровными узами, но все-таки...

— Что-то в вас есть аналогичное... Да, наверное, можете назвать это формой души. Вы жили на одном поле боя, вам предначертаны одни могилы, вы проживали одну жизнь и упивались гордостью. Вас связывают не узы крови, а родство души... Точно также, как гордость семьи Открытого моря образовала наши отношения.

Сладостная речь повергла Крену в шок. Она взволнованно принялась шевелить губами. Будто человек, которому дали воду в конце продолжительного путешествия через засушливую

пустыню.

— Родство... душ.

— Да. И оно сильнее всяких уз крови или товарищества, эту связь не разорвать. Несмотря ни на что.

Эстер говорила уверенно в этом золотом свечении, как если бы констатировала очевидное.

— И что бы не произошло, он всегда будет мне старшим братом. То же самое, как капитан Ноузен всегда будет старшим братом для вас. Это не изменится никогда.

†

— Мы знаем только приблизительные расстояние и их численность из-за дальности, но даже эти данные заметно упростят работу. Как для нас, так и для диверсионного флота.

Конференц-зал, расположенный в выделенной университетом часовне. Свет проходил через старую, разноцветную фреску и падал на стол. Рядом с ним стоял Измаил — он с улыбкой на лице изучал разбросанные перед ним документы. Кроме них на столе лежала морская навигационная карта, на которой Шин грубо отметил местоположение материнских кораблей разведки.

— Позвольте пригласить вас на обед в честь празднования по возвращению, капитан. Угостим сушеными морепродуктами — как у нас принято в Странах флота.

— ...

Шин не ответил, сообразив, что вместо уточнения рыбы или моллюсков он обошелся расплывчатым «морепродукты». Вместо него заговорил Сео:

— Капитан, это своего рода деликатес, которым можно дразнить туристов?

— Нет, совсем нет... Разве что сырое мясо может выглядеть немного странно, но на этом все.

Лена улыбнулась на то, как «восемьдесят шесть» попривыкли к Измаилу и людям Стран флота. Солдаты Флотилии Сирот и горожане в целом были весьма добродушными. Может быть как раз поэтому.

— Ах, жду не дождусь сегодняшнего ужина со всеми. Сейчас сезон фестиваля в самом разгаре, и мы искренне благодарны вам. Хорошие старушки на кухне нарадоваться не могут, что

заготовят вам пирушку.

Измаил поднял руку и махнул ею на прощание, затем покинул конференц-зал. Проводив его с улыбкой на лице, Лена следом обвела взглядом присутствующих командиров ударной группы и штабных офицеров.

— Так, а теперь... Приступим к нашему инструктажу.

Офицеры разведки с такими же улыбками и Зайша, которая по какой-то причине выглядела слегка огорошенной, немедленно сделались серьезными. «Восемьдесят шесть», казалось, совсем не нервничали, и расселись по местам расслабленные. Какими были и в обычное время. Лена не обратила на это внимания и активировала голографический экран.

— Для начала, у нас есть схематическая диаграмма нашей нынешней цели, Мираж-Шпиля.

Проецируемая трехмерная схема получилась в результате анализа записанных кадров с разведывательного катера. Стальной каркас сооружения чем-то напоминал труп живого существа. Тем не менее, масштаб морской крепости таил в себе угрозу.

— Его высота до верхнего уровня по оценкам составляет сто двадцать метров. Состоит из семи башен, где одна центральная поддерживает шесть колонн. Внутренняя часть по выдвинутым предположениям разделена на десять-двенадцать этажей. Ядро управление базой и Морфо расположились на верхнем. Для уничтожения и обеспечения безопасного прохода мы развернем три артиллерийских подразделения из Джаггернаутов.

Из-за грузоподъемности они могли взять с собой не все войска. Стелла Марис позволяла им перевезти сто пятьдесят Джаггернаутов. На суперавианосце обычно размещались минимальное число патрульных вертолетов, которые теперь распределили на несколько эсминцев. Но даже с этим распределением они все равно могли взять на борт ограниченное число Джаггернаутов.

Первоначальный план подразумевал отправку оставшихся сил на передовые линии Стран флота, когда несколько судов остаются позади для подстраховки, но...

— Младший лейтенант Рито Ория и Реки Митихи. Ваши отряды останутся на суше, где будете размещены позади передовой и исполнять функции мобильных оборонительных сил.

Рито несколько раз моргнул от удивления.

— Мы с Митихи не часть атакующих сил? И что это за «мобильная оборона»?

— Основные военно-морские силы Флотилии Сирот притянут на себя внимание Мираж-Шпиля. Когда на базе начнутся боевые действия, есть вероятность, что наземные силы Легиона

нападут в ответ. Таким образом, нам нужно, чтобы вы остались позади с войсками резерва.

Митихи и Рито обменялись взглядами, затем кивнули. Губы их были плотно сжаты.

— Принято.

— Мы позаботимся обо всем.

— Существует также возможность, что состав и расстановка сил врага изменятся. Я расскажу про контрмеры чуть позже, поэтому на время пока отложим этот вопрос.

Вик глянул в ее направлении.

— Итак, ты поэтому запросила дополнительный боезапас у Союза... Еще ведь поставишь Алконостов на оборонительную линию, да? Я оставляю командование на Зайшу кроме разведчиков, которыми буду заправлять напрямую, так что можешь свободно ими распоряжаться.

Из-за весового ограничения Джаггернаутам с их большей универсальностью в плане боевых возможностей отдавали приоритет над Алконостами, когда речь заходила о наступлении на базу.

— Касательно наших пастухов, — заговорил Шин, — насколько я слышу, их двое. Морфо и, исходя из предположений, что это арсенальная база, второй должен быть командным ядром Вайзела. Но они так далеко от нас, что я могу лишь сказать их численность, а не конкретное местоположение. Как подберемся ближе, я это выясню. Группа Лерче выступит в роли разведки, но я пойду вперед, так что помешать мне не должны.

Слушая сухое объяснение, Лена припомнила выданный свод указаний и нахмурилась. Грета передала ей эти загадочные и нелепые поручения.

— Нас проинструктировали по возможности захватить управляющие ядра врага, чтобы в дальнейшем проанализировать их намерения, но не нужно лезть из кожи вон ради этой задачи... Можете поставить ей низкий приоритет.

На миг Шин умолк. Однако прежде, чем Лена успела подумать над причиной, он холоднее обычного кивнул ей.

— Принято.

□

— Шин'эй.

Из окна в его бараках открывался вид на море. Он всегда ложился спать и просыпался в определенные часы для подготовки к операции, а когда вставал — море всегда было окутано во мрак. Стояла глубокая ночь, слишком раннее время, чтобы называться утром.

Из-за тишины спящего города до его ушей доносился генерал бас ревущего моря. Шум напоминал тихий шепот и отличался от постоянного плача Легиона. Он даже не пытался прислушиваться к этому шуму и голосу вдали. Шин обратил взгляд к двери, откуда его окликнули.

В комнату вошла Фредерика, сонно потирая глаза.

— За чем наблюдаешь? Там что-то виднеется?

— О... Нет, я не смотрел на что-нибудь конкретное.

— Значит Легион... Голос Морфо?

Из-за дремлющей тишины города, из-за ревущих волн доносился голос призрака... пастуха на Мираж-Шпиле. Фредерика протопала к нему легкими шажочками, задумчивый взгляд алых глаз глядел куда-то за море.

— Шин'эй.

Даже сейчас Фредерика не обращалась к Шину по короткому прозвищу. Каким-то образом он понял, что это своего рода навязанное самой себе убеждение. Словно старалась не спутать его с имперским рыцарем, кого он в действительности напоминал, и к кому она обращалась по прозвищу — Кири.

— Шин'эй. Морфо во вражеской крепости...

На миг она умолкла. Будто от страха задать вопрос.

— Это Кирия?

— ?.. Ты еще не посмотрела?

Способность Фредерики давала ей силу видеть настоящего человека, с кем лично знакома — это относится и к призраку. Шин ответил ей вопросом на вопрос с мыслью о том, что она и без него может это узнать.

Но только задав вопрос, он понял: возможно, она не смогла собраться с духом и «посмотреть». Она боялась вновь увидеть Кирию.

— Это не твой рыцарь, — сказал он. — Голос и слова отличаются.

Фредерика подняла на него голову.

— Полагаю, он из Империи, но все равно это не твой рыцарь... Так что я понятия не имею, нужный ли это источник информации, о котором упоминал Эрнест.

— ...

Теперь Фредерика понуро опустила голову. Она прикусила губу — и с мольбой в глазах прямо взглянула на него.

— Шин'эй, когда столкнемся с такой возможностью, ты должен воспользоваться мной. Чем больше времени пройдет, тем больше сгинет невинных жизней. И никто не знает, когда Союз затронет разруха. Случись это, и нет никаких гарантий, что ты выживешь. Но я... я небольшая жертва, поэтому...

— Нет.

— Шин'эй!

Она обхватила его руками.

Конечно, телосложением она была меньше него, потому смогла только слегка встряхнуть. Он понимал ее чувства. Окажись сам на ее месте, он бы, скорее всего, попросил о том же... и даже среагировал на отказ похожим образом. Однажды с ним уже подобное случалось, когда он считал, будто выступив в качестве приманки два года назад в конце специальной разведывательной миссии, спасет своих друзей.

Потому он понимал ее нетерпение и решимость. Но все равно...

— Один человек, может, и небольшая жертва... Жертвовать меньшинством оправдано, когда это спасет большинство. Этой же логикой воспользовались, когда закинули нас в восемьдесят шестой сектор.

Глаза Фредерики распахнулись. Шин, глядя на нее сверху вниз, продолжил. Он понимал ее нетерпение и решимость. Но все равно в одном он не уступит никогда.

— Я не считаю, что жертвовать тобой — правильный выбор... Мне не хочется повторять ошибки Республики.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1547267>